

Золотая Кассета
Дмитрия СУХАРЕВА

«Не для Ленки сырая земля...»

Было в отечественной истории славное время по имени Эпоха Окуджавы. Тогда из всех окон лились песни нашего славного барда. Эпохе Окуджавы предшествовало не менее славное время, которое можно назвать Эпохой Магистралей. Тогда песни Окуджавы тоже лились из окон, но не из всех. Из двух-трех, не больше. А может, и не было окон в том зальчике, где собиралась "Магистраль" под председательством Григория Ефимовича Левина, славного рыцаря поэзии. Дом помню, зальчик помню, как слушали Булата и как сами распевали "Надю-Наденьку" — тоже помню, а вот были ли окна, это еще вопрос.

Точных дат перехода одной эпохи в другую тоже назвать не сумею. Для этого есть Институт всемирной истории. Но если кто из аспирантов захочет заняться настоящим делом, я могу подбросить ему (а лучше — ей) кое-какие материалы к диссертации на тему "Роль Дмитрия Сухарева в покорении Сибири и Дальнего Востока песнями Булата Окуджавы".

Я бы рассказал, как млели от страсти лучшие люди острова Путятин, исполняя свежеразученное произведение:

**Эта женщина! Увижу
и немею.
Потому-то, понимаешь,
не гляжу.
Ни кукушкам,
ни ромашкам я не верю
И к цыганкам,
понимаешь, не хожу.
Набормочут:
"Не люби ее такую!"
Напророчат:
"До рассвета заживет!"
Ах, наколдуют,
нагадают, накукуют...
А она на нашей улице
живет.**

Непреложность последней строчки вызвала у тружеников моря особый восторг.

Я бы засвидетельствовал, что к моменту моего прибытия туда летом 1962 года никто из двух тысяч жителей Путятина о песнях Окуджавы слыхом не слышивал, но всего через три месяца остров был покорен. Далее я бы мог описать двух разбойного вида молодых сибиряков, вооруженных гитарами. Именно они

повезли заразу с Путятина в места своего обитания. Взамен разбойники оставили у нас пару народных песен. (Много позже я узнал, что у песен есть автор — Александр Городницкий).

Наконец я разъяснил бы аспиранточке, что смог сыграть свою историческую роль благодаря простой, как Ленин, причине: я жил неподалеку от Комсомольской площади, на задворках которой в ту пору собиралась "Магистраль". А "Магистраль" только номинально числилась литобъединением для железнодорожников, фактически же она была вмес- тилищем души московской по-

эзии. Понятно, что время от времени кто-нибудь приказывал прикрыть эту лавочку. Но Григорий Ефимович снова чудом спасал положение, и снова зальчик наполнялся жизнью, и всяк делился новыми стихами, а Окуджавы — песнями. А я, если было время, забегал на огонек.

Хотите знать, что еще из раннего Окуджавы пришлось дальневосточникам особенно по душе? Конечно же, "Песенка о Ленке Королеве" (1957). Странно — у меня тоже она всегда была на особом счету.

**Во дворе, где каждый вечер все играла радиоло,
где пары танцевали, пыля,
ребята уважали очень Ленку Королеву
и присвоили ему звание короля.**

**Был король, как король, всемогущ. И если другу
станет худо и вообще не повезет,
он протянет ему свою царственную руку,
свою верную руку, и спасет.**

**Но однажды, когда "мессершмитты", как вороны,
разорвали на рассвете тишину,
наш Король, как король, он кепчонку, как корону —
набекрень, и пошел на войну.**

**Вновь играет радиоло, снова солнце в зените,
да некому оплакать его жизнь,
потому что тот король был один (уж извините),
королевой не успел обзавестись.**

**Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
(по делам или так, погулять),
все мне чудится, что вот за ближайшим поворотом
Короля повстречаю опять.**

**Потому что на войне, хоть и правда стреляют,
не для Ленки сырая земля,
потому что, виноват, но я Москвы не представляю
без такого, как он, короля.**

Возвращение - 1995 -
4 мая - 04

20